

Этот приём был не похож ни на один из тех, на которых я была в своей прошлой жизни. Конечно, он был богатым. На потолке сверкал золотой канделябр, а мраморный пол отражал его сияние. Хрустальные столы были уставлены аппетитными блюдами. Оркестр играл живую, звонкую музыку, звучащую на половину зала.

Я посмотрела на парней, единственных, кто мог насладиться этой роскошью. Все они были красивыми, поэтому я не могла пожаловаться на плохой вид, но девушкам было позволено только смотреть. Стеклянная перегородка отделяла их от главного зала. Таким образом, мы оказались за пределами зала, где должны были вести тихие разговоры. Так в этом мире проходили приёмы.

И это то, к чему я готовилась три часа? Я не ждала ничего особенного, но бессмысленно одевать, раздевать и переодевать четырёхлетнего ребёнка как живую куклу на протяжении трёх часов только для того, чтобы она два часа или даже больше просто сидела на месте. Это абсурдно.

Девочка, которой, судя по её внешности, было четырнадцать, обратилась ко мне:

— Ты так хорошо себя ведёшь. Я слышала, что ты очень умна для четырёхлетней. Я поражена.

Думаю, она дочка барона. Неприятный опыт прошлой жизни научил меня, что девочки — естественные враги. Я была ещё маленькой, поэтому мне, наверное, можно пока не беспокоиться о ней. Я просто улыбнулась.

Она представилась как Эмилия. Она назвала свой официальный титул и я узнала, что она седьмая дочь барона Чарльза. Я была снова поражена беспределом, творящимся в этом мире. Королевство называлось Горьё, как королевство Корея в древности, но знать в королевстве носила звания герцогов, маркизов и виконтов, как у европейской знати. У одних людей были корейские имена, у других — западные. Я не удивлюсь, если встречу людей с японскими или китайскими именами, потому что видела подобные имена в книгах.

— Я слышала, что ты начала писать, когда тебе был всего год. Это правда? — спросила она.

— Писать? — спросила я.

"Просто притворись дурочкой," — говорила я себе. Я была тверда в своём желании увидеть Чжинсу. Где ты?

Она повторила:

— Да, ты начала писать, когда тебе был один год.

Я хмыкнула. Я прикусила губу в притворном смущении, усиливая своё сходство с глупой

маленькой девочкой. Я надеялась, что это заставит её потерять интерес ко мне. Единственное, о чём я могла думать сейчас, это о Чжинсу.

Местный Чжинсу был на голову выше Чжинсу из моего прошлого мира. Я напредила себе, что посчитала его красивым только из-за другого окружения. Объективно говоря, в Кореи он считался бы самым обычным. Но в этом мире он был чем-то непонятным, что привлекало меня. Я была очарована.

"Какой поворот!" — подивилась я про себя, вспомнив, как Чжинсу из моей прошлой жизни на протяжении многих лет любил меня.

Когда мы стали парой, он никогда не говорил мне, как обожает меня. А я держалась в стороне от него, не желая раскрывать ему свою душу.

Прекрати... это не твой Чжинсу. Хотя я знала правду, мне казалось, что если бы я была по ту сторону стеклянной стены, то могла бы быть с ним. Если бы я только могла поговорить с ним, то всё стало бы также, как раньше. Он встретил бы меня дома словами:

— О, ты вернулась?

Я сказала себе:

— "Это не он!"

Я едва удержалась от того, чтобы пройти через перегородку и сказать:

— Прости, я опоздала. Давай поедим. — Я попыталась успокоиться. Я хотела побежать к нему и сказать, что люблю.

— Принцесса Санхи? — обратился ко мне кто-то. Эмилия спросила: — Ты хорошо себя чувствуешь?

— Я в порядке! — я продемонстрировала свои маленькие бицепсы.

В этот момент я заметила, что к Чжинсу кто-то подошёл. Это был другой красивый парень того же возраста, что и Чжинсу. Он потягивал чай со скрещенными ногами, и его внешность была довольно яркой. Он будто вышел из модного журнала.

Хотя, было в нём кое-что странное. Например, то, что его взгляд будто следил за Чжинсу, и то, как он, облизывая губы, заправлял за уши длинные волосы.

Он беззвучно пошёл за Чжинсу и обнял его.

Они просто друзья. Возможно, здесь приняты отношения между мужчинами? Сейчас этот парень что-то шептал на ухо Чжинсу. Это всё очень странно. Ему действительно нужно именно шептать? Что может быть таким важным? Я чувствовала себя неловко.

Чжинсу стоял на месте. Он улыбался. Другой парень тоже улыбнулся и тепло его обнял. Это не очень важный жест, но он встречался здесь довольно часто.

Внезапно мне снова вспомнились его слова:

— Но я люблю другую. — Наглость. Культурный релятивизм*, как бы не так! Я снова почувствовала себя неловко.

"— Конечно, я всё равно женюсь на тебе. Об этом уже договорились. Но не жди, что я буду любить тебя".

Чжинсу опять улыбнулся. Другой парень тоже улыбнулся.

Я повернулась к Эмилии и спросила:

— Эмилия, ты знаешь моего жениха?

Эмилия ответила:

— Естественно. Он — гордость нашего королевства. Он поступил в самый лучший класс Академии Магии Империи.

Я спросила:

— А кто этот парень рядом с ним?

Её улыбающееся лицо потемнело. Такая маленькая девочка как ты ведь не ревнует, верно? Догадавшись, о чём она подумала, я смутилась, потому что действительно ревновала.

*Релятивизм — это философское течение, определяющее, что познание не может быть полным, объективным и окончательным и никакой объективной картины мира не существует.

<http://tl.rulate.ru/book/5918/110379>